

Французский орел из Борисовского музея

В Борисовском краеведческом музее хранится подлинное французское навершие знамени в виде орла, поступивший в фонды в конце 1963 г. Он сдан в музей жителем дер. Лошницы, Борисовского района, Наумовцом Николаем Александровичем. Орел обнаружен им летом того же года в реке Лошице, протекающей недалеко от его дома. Первые сведения об этой находке появились в газете «Минская правда»ⁱ, а затем во Франции в альманахеⁱⁱ Центра наполеоновских исследований. Что же, собственно, представляет собой французский орел из Борисовского музея? Это отлитая из бронзы, пустотелая, полностью вызолоченная пицца с хищно расправленными крыльями, когтистыми лапами, повернутой влево головой с полуоткрытым острым клювом, крепящаяся к прямоугольной подставке как минимум четырьмя специальными винтами, правой лапой опирающаяся на так называемый скипетр Юпитера, напоминающий своеобразное веретено. Вся композиция состоит из шести отдельных частей: собственно орла, нижней части его клюва, его правой лапы, которые отливались отдельно, а затем собирались вместе с помощью заклепок, скипетра (или палицы) Юпитера, привинченной и приклепанной к подставке, которая состоит из двух условных частей: корпуса с верхней площадкой-цоколем и трубой для древка знамени, припаянной к основанию цоколя точно посередине его, а также нижней крышки, через которую проходит труба-наконечник, с четырьмя отверстиями по углам ее для винтов крепления к подставке. При ближайшем рассмотрении видны дефекты литья (небольшие каверны в корпусе) и последующей, возможно, недостаточно качественной обработки бронзовой птицы. Ниже я привожу уточненные данные веса и всех остальных важнейших параметров орла, непреднамеренно искаженных в некоторых предыдущих моих (и других авторов) публикациях на эту тему.

Точный вес орла равняется 1732 граммам. В нем отсутствуют все винты его крепления к верхней площадке-цоколю и «палице» Юпитера. Нет также и четырех винтиков, которыми была прикреплена к подставке ее (нижняя) крышка. Кроме того, утрачены накладные цифры номера полка, которых могло быть от двух до шести штук с обеих сторон, и оба металлических штыря, которыми подставка через сквозные отверстия трубы некогда крепилась к дубовому древку знамени. Длина основания-цоколя, к которому крепится орел, 117 мм, ширина 61 мм, высота (толщина) этого ступенчатого пьедестала от 9 до 12 мм. Размеры корпуса самой подставки-параллелепипеда 100x44x31 мм, нижней ее крышки соответственно 112x46x2 мм. Общая длина трубы-наконечника равна 98 мм, длина выступающей за пределы подставки (наружной) ее части 53 мм, диаметр 33 мм. Длина веретенообразного двуугольника (или «палицы» Юпитера), на которую орел опирается правой лапой, равна 140 мм, максимальная толщина его в поперечнике, точнее, диаметр — 23 мм. Общая высота орла с подставкой и трубой-наконечником ровно 300 мм, высота самого орла (вместе с хвостом), если измерять сзади точно по середине его спины — 220 мм, если измерять спереди точно по середине груди — 200 мм. Максимальный размах крыльев 245 мм.

Прекрасный знаток эпохи Наполеона О.В. Соколов в своей недавно вышедшей из печати книге говорит об орлах следующим: «После провозглашения во Франции в 1804 г. Империи было решено выдать войсковым частям эмблемы, принципиально новые по своей концепции. Отныне, вместо привычных для европейских армий знамен, батальоны и эскадроны наполеоновских войск должны были получить так называемых "Орлов" — знамена с навершиями в виде позолоченного металлического орла, восседающего на прямоугольном цоколе. Суть нововведения заключалась в том, что, по мысли Императора, должна была возродиться древнеримская концепция эмблемы воинской части. Основным в этой эмблеме было не полотнище, а именно бронзовый орел, напоминающий по своей форме орла римских легионов. Только учитывая это, можно правильно понять принципы, которыми руководствовались при их изготовлении,

использовании и наименовании»ⁱⁱⁱ. Развивая дальше эту тему, автор сообщает интересные сведения о том, что орлы «орел являлся священной эмблемой, и именно его каждый солдат должен был защищать до последнего вздоха. Желая подчеркнуть значимость орла — наверх, император намеренно пожелал, чтобы полотнища были очень скромными, лишены привычных для знамен бахромы, шитья, кистей и лент. Сами же орлы, напротив, были изготовлены лучшим бронзовым дел мастером Томиром по оригиналу выдающегося скульптора той эпохи Шоде. Все наверх были изготовлены из бронзы, тщательно обработаны и позолочены. Каждый орел состоял из шести частей (вместе с цоколем) и был по лым внутри. Общий вес эмблемы составлял 1850г., высота 310 мм, наибольшая ширина 255 мм»^{iv}. К этому остается добавить только то, что орлы — наверх французских знамен являются до сих пор великолепными образцами «малой пластики» позднего классического искусства эпохи Империи Наполеона в стиле «ампир». Тот экземпляр орла, которым располагает в настоящее время Борисовский музей, как уже понятно, в русско-французскую кампанию 1812 года увенчивал древко знамени одного из французских полков, участвовавших в Русском походе и, скорее всего, прошедшего через дер. Лошницу.

Историк-исследователь эпохи Наполеона из Франции Фернан Бокур^v опубликовал в журнале «Музей армии»^{vi} в 1996 г. большую статью об орле, найденном в Лошнице. В частности, он подчеркивает в ней то, что «в Борисовском музее смогли обнаружить интересную находку и приняли все меры к ее сохранности»^{vii}. По мнению Ф. Бокура, «было бы интересно полностью восстановить орла и придать ему первоначальный блеск, избежав тем самым малейшего риска утратить какой-либо его элемент»^{viii}. (На мой же взгляд, именно преждевременная реставрация орла, вернув ему «первоначальный блеск», бесследно уничтожит те его важнейшие отличительные признаки, приобретенные в 1812 году, которые позволяют в конце этого доклада сделать достаточно интересные выводы.)

Специалист по флагам из Франции Пьер Шаррье в своих комментариях^{ix} к орлу из Борисовского музея тоже считает что «орел из Борисова представляется крайне интересной находкой»^x. В своем исследовании он поясняет, что в данном конкретном случае «речь идет об орле модели 1804 г., который находится в довольно хорошем состоянии. На нем сохранились и ясно видны установочные метки литейщика: под левой лапой CXXXIII с двумя маленькими сердечками(?), на верхней пластине подставки LXXXXIII с двумя группами треугольников и тrefой, на нижней пластине LXXXXIII»^{xi}.

Эта информация, сообщенная П. Шаррье, требует необходимых уточнений: под левой лапой орла группа римских цифр выглядит так: CXXXIII, (а не CXXXIII, как у П. Шаррье) с четырьмя (!) (а не с двумя!) символами, напоминающими маленькие «сердечки», которые, правда, можно распознать только при достаточно сильном увеличении. На верхней пластине подставки символы выглядят так: LXXXXIII — первая буква или цифра? такая, как у меня, с «хвостиком», а вся группа «подчеркнута» глубокой канавкой-царапиной; там же две группы (по три в каждой) равно сторонних треугольников-вмятин с «тrefой», расположенные возле отверстия круглой формы, находящегося точно в центре подставки-цоколя. Причем эти знаки под орлом в собранном его виде оказываются как бы спрятанными от взоров любопытных и снаружи совсем не видны. На нижней пластине подставки-цоколя, на ее внутренней поверхности, сбоку, расположены совершенно идентичные символам, выбитым на верхней площадке-цоколе, две группы треугольников-вмятин и «тrefа». В другом углу пластины выбиты такие знаки: LXXXXIII — причем после дний (девятый) символ представляет из себя вмятину полукруглой формы, внутри которой резцом мастера сделано углубление-царапина (пока неизвестно, она сделана случайно или что-то обо значает?) Как и на верхней пластине, группа римских цифр (десяток) «подчеркнута» мастером глубокой канавкой-штрихом с помощью своего острого инструмента.

Месье Пьер Шаррье в комментарии к орлу говорит о том, что «точное значение этих меток, имеющих на всех, изготовленных в 1804 году, орлах неизвестно»^{xii}. Уважаемый специалист по флагам называет заглавные латинские буквы C, D, V и Y, а

так же римские цифры I, V и X, которые якобы во всех подлинных орлах встречаются в известном сочетании с точками, трефами, треу гольниками и говорит, что, «как правило, метки под орлом и метки на подставке совпадают, однако в данном случае этого нет и можно предположить, что, по-видимому, с этим орлом была использована другая подставка, вместо первоначальной»^{xiii}. При этом он почему-то обходит молчаливым символ L, который по логике повествования мы должны тоже принимать за соответствующую заглавную латинскую букву, а также импровизированные маленькие «сердечки», которые тоже можно отнести к «меткам под орлом». Не означает ли это, что подобные символы не встречаются на подлинных орлах? И вот здесь я хочу высказать свое предположение по поводу этих «меток»: а что, если мастер, «клеймивший» орлов и подставки под них знаками C, D, V, Y и L, имел в виду только римские цифры и больше ничего?!

Тогда то, что П. Шаррье принял за латинские заглавные буквы C, D и V является, всего лишь римскими цифрами! C, D и V равными соответственно: 100, 500 и 5 в арабском исчислении. При этом выпавший из исследования П. Шаррье символ L (если его рассматривать как римскую цифру L) равен 50 арабским единицам. Энциклопедический словарь^{xiv} помогает нам сделать не обходимые расчеты: 1-я группа римских цифр CXXMIII, если иметь в виду то, что искажение во 2-й «десятке» (X) в ряду цифр сделано мастером без какого-либо умысла, т. е. по ошибке и не скрывает за собой иное (меньшее или больше) число, то сумма всех римских цифр дает нам сумму арабских цифр: $100+10+10+4=124$. Вторая группа — I LXXXXIII — дает в сумме цифры 93, и третья группа — LXXXXIII0, если не принимать во внимание 9-й по счету символ-вмятину (который, кстати, никак не напоминает ни одну из известных нам римских цифр), дает тоже в сумме цифры 93.

Итак, мы установили, что орел клеймен мастером-бронзовщиком римскими цифрами, составляющими в сумме 124. Ее сопровождают, как минимум, четыре значка в виде маленьких «сердечек», или же «черной» (по аналогии с карточными трефами, введёнными мной и оборот еще в 1994 г. в статье, опубликованной в альманахе Центра наполеоновских исследований), на «подошве» левой лапы орла. Сумма римских цифр — 93, а так же все метки на площадке-цоколе и нижней крышке подставки совпадают, т.е. совершенно идентичны.

Напрашивается очевидный вывод: к данной подставке орел из Борисовского музея действительно «не подходит», хотя и подставка, и прикрепленный к ней орел были найдены и существуют уже очень давно «вместе».

В комментарии к орлу из Борисовского музея П. Шаррье еще в 1996 г. высказал разумное предположение о том, что к данному орлу, маркированному символами CXXIII и «червями», «по-видимому, была использована другая подставка, вместо первоначальной. Подставка интересна тем, что имеет с каждой стороны от 8 до 9 отверстий. Это говорит о том, что данный орел служил, как минимум, два раза. Очень вероятно, что два самых больших центральных отверстия соответствует первому использованию (одна цифра). Повторное использование орлов не являлось чем-то исключительным, хотя случалось и не часто»^{xv}. Что касается орла из Борисовского музея, то П. Шаррье считает, что «по расположению отверстий на его подставке нам не представляется возможным определить одну или несколько цифр»^{xvi} номера полка, которые были, скорее всего, при отступлении Великой армии из Москвы «...удалены, и это нормальная реакция военных, вынужденных капитулировать»^{xvii}. Свою версию о судьбе лошницкого орла предлагает и Ф. Бокур: «Можно ли предположить, что в неразберихе отступления тот, кто нес орла одного из беспорядочно отступавших полков из арьергарда, понимая, что не сможет догнать армию и рискует попасть в плен, бросил знамя в р. Лошицу? Через Лошицу прошло большое количество полков, в некоторых из них служило много иностранцев. Как определить полк, которому принадлежал лошницкий орел, ныне хранящийся в Борисовском музее?»^{xviii}

В связи с информацией, полученной мной при более тщательном обследовании орла, найденного в р. Лошице, хочу предложить свою версию о значении «меток» на этой бронзовой птице: я считаю, что римские цифры CXXIII, а также «черви», выбитые резцом (клеймом) мастера на подошве левой лапы орла, цифры LXXXXIII, шесть «треугольников» и сочетания с «трефой» на подставке-цоколе, непосредственно

под орлом, а также тождественные им символы на внутренней стороне ее нижней крышки, фактически, скрытые от посторонних глаз, когда орел находится в собранном виде, являются своеобразным кодом (ведь даже спецалист по флагам П. Шаррье не знает «точного значения этих меток»), который может дать, при правильной его расшифровке, не что иное, как номера частей, к которым некогда принадлежали и подставка, и данный орел. Осмелюсь предположить, что точно такой же, зашифрованный римскими цифрами и различными «метками», номер-код — 124 был и на первоначальной (или 1-й) подставке этого орла. Данная же подставка была изготовлена для орла, носившего (или должного носить) зашифрованный под римскими цифрами номер-код 93. Орел (с соответствующим номером-кодом 93 под левой его лапой) почему-то в свое время с этой подставки был удален и о его судьбе мне пока ничего неизвестно. Безусловно, «кодирование» орлов мастерами-бронзовщиками было введено свыше с целью возможной (необходимой) идентификации орла в случае непредвиденной утери или же запланированного уничтожения накладного номера полка с его подставки французскими поеными, поставленными перед необходимостью капитуляции, т.е. сдачи в плен. Все сведения об орлах для необходимой дешифровки закодированных символов должны были находиться в так называемом депо^{xix}, откуда орлы и поступали в войска по мере их необходимости или замены. Теперь, что касается отверстий на подставке, о которых уже упоминал в своем исследовании П. Шаррье. Он, например, считает, что «в расположении и количестве отверстий нет определенной системы»^{xx}. Действительно, их количество на лицевой и оборотной сторонах подставки орла из Борисовского музея различное: на аверсе их 9 (или даже 10), а на реверсе всего 8. Но система в расположении, по крайней мере, шести из них, как мне кажется, все же есть, и, поняв ее, можно установить с достаточной степенью точности, каким (как минимум, двум?) французским полкам (с момента ее изготовления) принадлежала эта подставка вместе с соответствующими орлами. Попытаюсь обосновать это свое предположение: как на лицевой, так и на оборотной стороне подставки визуально определяется как совершенно тождественная, т.е. совпадающая по количеству, величине (диаметру), месторасположению и высокому качеству обработки, 1-я группа из шести, почти калиброванных, отверстий, просверленных одинаковым, двухмиллиметровым сверлом, и соответствующая, на мой взгляд, «первому использованию» орла. Если лицевую и оборотную стороны подставки, к которой крепился орел, условно поделить воображаемыми линиями сначала на две равные части — левую и правую, равные по ширине (50 мм), а затем каждую из этих частей еще надвое, то только в двух прилегающих к центральной осевой линии «четвертинках» (на рис. 1 и 2 они обозначены римскими цифрами II и III), как на аверсе, так и на реверсе подставки, останется ровно по три совершенно одинаковых отверстия (см. рис. 1, аверс и реверс, и рис. 2, вариант 2). Визуально видно, что в каждой из четырех «четвертинок», может поместиться только по одной цифре (всего четыре!), т.е. по две с каждой стороны с учетом того, что между ними еще должен быть и необходимый интервал, чтобы цифры не «слипались». Наличие «системы», т.е. закономерности расположения всех шести отверстий в 2-х подгруппах II и III (в 1-й — номера от одного до трех, и во второй - от четырех до шести), в обеих условных частях - «четвертинках» как на лицевой, так и на оборотной сторонах по отношению друг к другу, а также к периметру той части пластинки, в которой они проделаны, подтверждается также и соответствующими измерениями: все отверстия 1-й группы, находящиеся на аверсе и реверсе подставки, как по горизонтали, так и по вертикали, почти одинаково удалены от всех сторон воображаемого периметра, состоящего из двух, примыкающих друг к другу «четвертинок». При этом расхождение в интервалах смещения (удаления) отверстий по отношению друг к другу и к сторонам периметра совершенно незначительное — от 0,5 мм до 2,5 мм, что может означать следующее: две пары накладных цифр одного номинала, некогда прикрепленные к лицевой и к тыльной сторонам подставки орла из Борисовского музея, возможно, по величине (высоте, ширине и толщине) немного отличались друг от друга, в связи с чем и «усики»-крепления в них были несколько смещены (что, конечно, не могло существенно влиять на их расположение, а тем более на номинальное значение). Это хорошо видно на рис. 1 и 2^{xxi}, где каждому отверстию из этой группы (и всем

остальным тоже) мной для удобства ее прочтения присвоен порядковый номер, начиная от единицы и до десяти. Прежде чем ответить на вопрос, какой полк использовал эту подставку первым, процитируем Пьера Шаррье: «Как правило, два отверстия (на подставке. — В.Р.) соответствуют цифрам 1, 4, 6, 7, 8, 9. 0, три отверстия — цифрам 3 и 5 и два либо три — цифре 2»^{xxi}. «Отталкиваясь» от этой информации, можно предположить, что цифры номера полка на подставке, при первом ее использования, в соответствии с вариантами, предложенными Пьером Шаррье, были: 35, 53, 33, 55, 25, 22, 32, 23, 52. Поупражнявшись с изготовленными для этой цели (примерными) шаблонами всех цифр, названных П. Шаррье, которые, судя по некоторым измерениям, не могли быть выше 25 мм в соответствии с уже имеющимися у нас вариантами, я пришел к выводу, что лучше всего «ложит ся» на все три отверстия каждой из двух левых (II-х) частей-«четвертинок» реверса и аверса исследуемой подставки цифра 3, а на отверстия обеих правых (III-х) «четвертинок», более или менее «изящно», только цифра 5. Поэтому я считаю, что номер французского полка, который еще задолго до войны 1812 года получил эту подставку (конечно, вместе с орлом и знаменем), был все же 35-й (см. рис. 2, вариант 1 и 1\1)^{xxiii}. Выдержки из «Комментария...» П. Шаррье, которые я привожу ниже, несколько уточняют и даже подтверждают эту версию.

При дальнейшем исследовании подставки как на лицевой, так и на тыльной ее сторонах можно условно выделить вторую системную группу (рис. 2, вариант 2), состоящую каждая из двух отверстий (сделанных как бы на скорую руку) под номерами 7 и 8 (№ 9 и 10 указаны для наглядности, и речь о них пойдет ниже) совершенно иного, чем в 1-й группе, диаметра, качества сверления и месторасположения. Я их считаю отверстиями «повторного использования» подставки под орла. На тыльной стороне ее (реверсе) оба отверстия (рис. 2, вариант 2) выполнены сверлом диаметром 2,5 мм, а «воображаемая линия», которая как бы делит подставку сверху вниз, как раз пополам, проходит точно через центр этих отверстий, что говорит мне о том, что они оба связаны какой-то общей закономерностью. На лицевой стороне подставки оба соответствующих отверстия (аверс, рис. 2, вариант 2) того же диаметра - 2,5 мм, расположенные друг под другом на таком же, как и на тыльной стороне, расстоянии 12,5 мм, точно также равноудалены от верхней и нижней сторон условного периметра пластинки, в которой они просверлены. При этом ось верхнего (№7) смещена ровно на 2 мм вправо, а ось нижнего (№8) всего на 1,5 мм, что свидетельствует, прежде всего, о небрежности мастера, а не об отсутствии «системности» в их расположении. «Пере кривание» одного отверстия другим объясняется, на мой взгляд, тем, что при первой попытке сверления верхнего (10-го) отверстия мастером была допущена ошибка, которая заключалась в том, что он «забыл» его сместить вправо сразу, и сделал это, только убедившись в том, что «усы» (или заклепки?) крепления накладной цифры не совпадают с уже просверленным отверстием (в отличие от тыльной стороны, где с первого раза совпали и крепления, и отверстия). По этой же причине и нижнее отверстие получилось смещенным вправо от условной центральной осевой линии лицевой стороны подставки. Последнее, единственное в своем роде, нуждающееся в рассмотрении и определении его функции или смысловой нагрузки, девятое отверстие (№ 9), диаметром в 1 мм, находится на лицевой поверхности подставки (рис. 2, вариант 2) точно под нижним отверстием (№ 3) в левой (II-й) части (половине) 1-й группы отверстий, в одном миллиметре от края подставки и никакой «системности», по моему мнению, не образует, так как для крепления накладных букв номера полка оно совершенно не годится из-за малого диаметра (к тому же в трех миллиметрах от него для этого уже есть «полноценное» двухмиллиметровое отверстие). В соответствии с логикой поведения можно предположить, что это отверстие служило для крепления соответствующего ярлыка, на котором после сборки орла-навершия перед поступлением его в «депо» с целью учета и последующей идентификации указывался его полный код, нанесенный в зашифрованном виде резцом мастера-бронзовщика на отдельные части подставки и орла в виде символов, о которых уже шла речь выше и которые визуально не просматриваются на орлах-эмблемах в их собранном виде.

Можно попытаться определить по этим двум отверстиям «повторного использования» номер полка, которому принадлежал орел из Борисовского музея. П.

Шаррье высказывает свою версию, касающуюся отверстий на подставке, которые мы только что рассматривали: «Можно предположить, что два отверстия, расположенные друг под другом, соответствуют цифре 1. Однако это не всегда так: такое же расположение соответствует цифре 2 на орле, маркированном номером 23»^{xxiv}. Итак, по логике, предположенной специалистом по флагам несколько выше, которая заключается в том, что цифрам 1, 4, 6, 7, 8, 9 и 0 соответствуют, как правило, два отверстия, этот орел вместе с подставкой принадлежал одному из французских полков, имевших нумерацию 1, 2, 4, 6, 7, 8 или 9?! Всего семь вариантов и один из них верный, но какой? Давайте порассуждаем: если на подставке орла из частной коллекции накладные цифры 23, а «двойка» крепится к подставке с помощью двух отверстий (на подставке орла из Борисовского музея тоже фигурируют в качестве основных два отверстия «повторного использования»), не означает ли это, что и полковой номер, который некогда соответствовал этой подставке, тоже был 2?

Упражнения с шаблонами уже известных нам цифр позволяют значительно уменьшить число возможных вариантов их применения: фактически, двум центральным отверстиям на исследуемой подставке могут более или менее соответствовать лишь три цифры 1, 4 и 2. Окончательно принять эту версию мне мешает пока единственное обстоятельство: мне еще неизвестно, каким образом (количество отверстий, расстояние между ними и т. д.) крепятся цифры 2 на обеих сторонах подставки с полковым номером 126 под орлом, который якобы «захвачен 23-м русским и находится в Москве»^{xxv}, а также все цифры в номере 148 под орлом из музея «Бородинская панорама» и в номере 23 из частной французской коллекции, а также во всех остальных орлах, сведения о которых у меня имеются?^{xxvi} Осмелюсь предположить, что если во всех цифрах одного номинала они прикреплены одинаково, тогда в пользу (или в ущерб?) моей версии начнет работать «системность», т. е. в данном случае подчиненность некоему принципу или закономерности: если хотя бы два раза подряд цифры одного номинала на подставках орлов крепились мастерами бронзовых дел с помощью двух или трех одинаковых, расположенных на определенном расстоянии друг от друга или в одном порядке отверстий, т. е. очень большая вероятность того, что и в третьем случае с накладными цифрами будет соблюден тот же порядок. «Третий случай» в некоторой степени касается и орла из Борисовского музея.

Теперь, когда мы почти выяснили номер полка (1,4 или 2: см. рис. 2, варианты 2. 2\1 и 2\2?)^{xxvii}, которому принадлежал лошницкий орел, самое время порассуждать о знамени, к которому он имел самое непосредственное отношение и судьба которого, как и сорванных с подставки накладных цифр, нам неизвестна. Номер полка, закрепленный на подставке орла, был продублирован на каждом шитом золотом полотнище французского знамени, и даже если эти накладные цифры успевали удалить, достаточно было противнику захватить знамя вместе с орлом, как тут же все становилось ясно. Поэтому и цифры с подставки, и шелк знамен уничтожались стоящими перед необходимостью капитуляции французскими военными практически одновременно. Наполеон лично побеспокоился об этом, задолго до Березины решив про блему «сожжения знамен». Потому и на орле из Борисовского музея, найденном в р. Лошице, протекающей через дер. Лошницу, ясно видны глубоко въевшиеся в позолоту его перьев, трудно смываемые сейчас следы копоти 190-летней давности. Я полагаю, что знамя, древко которого увенчивал некогда этот Орел, было, скорее всего, сожжено (вместе с орлом), но поскольку температура костра не могла быть более 300—400 градусов (а для плавления бронзы нужно, как минимум, 700 градусов), то этот полковой тактический знак уцелел и даже не был никоим образом деформирован^{xxviii}. Где именно жгли знамя с этим орлом, наверно, можно только догадываться, но я думаю, что это было все же в окрестностях дер. Лошницы, поблизости от того места, где этот орел и был найден в 1963 г. Таким образом, очередное — третье по счету (после Дубровны и Бобра) «сожжение знамен» Великой армии, на мой взгляд, состоялось не на р. Березине, как это изображено на картине Ю. Фаллата и В. Коссака «Переправа армии Наполеона через р. Березину», а на р. Лошице. Что, кстати, подтверждается и конкретной находкой в ней.

К сказанному могу добавить следующее: уникальность этого музейного экспоната

заключается в первую очередь в том, что за истекшие с момента русско-французской компании 190 лет, (нигде! никогда! и никем!) в воде и земле такие орлы пока обнаружены не были. Если верить Пьеру Шаррье, «в руки русских попали орлы 4-го и 14-го кирасирского, и 3-го уланского»^{xxix} французских полков, а также уже упоминавшийся мной выше, орел 126-го пехотного полка (бригады Билярда) 12-й дивизии генерала Партуно, попавшей в окружение и вынужденной капитулировать перед корпусом Витгенштейна на р. Березине в районе дер. Старо-Борисов. Это обстоятельство, кстати сказать, позволяет французским историкам до сих пор считать, что армия Наполеона не была «окончательно разгромлена»^{xxx} на берегах Березины, так как абсолютное большинство^{xxxi} орлов, которые участвовали в русском походе Великой армии Наполеона, русским не достались, и судьба их никому не известна.

И в заключение хочу сказать, что находка французского орла^{xxxii} в р. Лошице является серьезной заявкой на то, что в Белоруссии на отрезке пути от Дубровны до Борисова, по которому отступала армия Наполеона, можно рассчитывать на новые, самые нежные данные и сенсационные находки!

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Рахович В. Тайна золотой кареты // Минская правда. 1994. № 49. 14 мая.

ⁱⁱ *Rahhovich V.L` Etudes napoléoniennes*, 1994. № 31-34. P. 111-118.

ⁱⁱⁱ Соколов О. Армия Наполеона. М., 2001. Прил. III: Орлы, знамена и штандарты. С. 524.

^{iv} Там же.

^v Фернар Бокур, доктор истории и права, профессор Минского и Калининградского университетов, директор Центра наполеоновских исследований.

^{vi} *Beaucour F. L` aigle du musse de Borisov // Musée de L` Armée*. 1996. № 111. P. 38-43

^{vii} Там же. P. 38.

^{viii} Там же.

^{ix} *Charrie P. Commentaires sur L` aigle du musse de Borisov; une hypothèse sur le regiment d` appartenance // Musée de L` Armée*. 1996. № 111. P. 44-46.

^x Там же. P. 44.

^{xi} Там же.

^{xii} Там же.

^{xiii} Там же.

^{xiv} Энцикл. словарь. М., 1964. Т. 2, С. 633.

^{xv} *Charrie P. Op. cit.* P. 44.

^{xvi} Там же.

^{xvii} Там же. P. 45.

^{xviii} *Beaucour F. Op. cit.* P. 43.

^{xix} Слово «депо» французского происхождения, *dépôt* означает «склад», введено в оборот О.В. Соколовым в книге «Армия Наполеона» (С. 524).

^{xx} *Charrie P. Op. cit.* P. 44.

^{xxi} Рис. прилагаются.

^{xxii} *Charrie P. Op. cit.* P. 44

^{xxiii} В этом можно убедиться, уточнив по источникам, какие французские полки участвовали в Русском походе и прошли через дер. Лошницу.

^{xxiv} *Charrie P. P. Op. cit.* P. 45

^{xxv} Там же.

^{xxvi} В книге Б. Асварица и Г. Вилинбахова «Отечественная война 1812 года в картинах Петера Хесса», изданной в 1984 г. В Ленинградском отделении издательства «Искусство», на с. 52—53 опубликована информация о захваченном русскими французском знамени 127-го линейного полка (без орла) и его фотография. На с. 110 этого же издания есть фотографии сразу двух французских орлов: одного без знамени и с плохо различимым полковым номером, и другого, со знаменем 4-го полка и с

цифрами 14-го на подставке пол орлом. Можно предположить, что это орлы 4-го и 14-го кирасирских полков, о которых говорит в своем комментарии Пьер Шаррье. Кроме того, в музее «Бородинская панорама» имеется еще один орел с номером 148 на подставке и знаменем 8-го полка на древке. В экспозиции Борисовского музея так же есть фото французского знамени 44-го пехотного полка с орлом-навершием на древке. Итак, в русско-французскую кампанию 1812 года «в руки русских попали», как минимум, семь французских орлов: 4-го и 14-го кирасирских, 3-го уланского, 126-го легкой пехоты, 148-го и 44-го пехотных полков плюс Лошницкий орел (номер полка предположительно 1, 2 или 4).

^{xxvii} Эта информация также нуждается в проверке по источникам, имеющим отношение к кадровой комплектации французской «Армии Вторжения» в Россию.

^{xxviii} Орел из Борисовского музея находится в хорошей степени сохранности.

^{xxix} *Charrie P.* Op. cit. P. 45.

^{xxx} Эта основная мысль отлита в металле на памятнике, находящемся на Брилевском поле (работа лауреата Государственной премии Н. А. Рыженкова).

^{xxxi} Всего по моим расчетам в Русском походе участвовало около 300 французских орлов.

^{xxxii} Взятые из журнала «Музей армии» (№ 111) копии фотографий бронзовой птицы из Борисовского музея (в различных ракурсах) прилагаются.